

УДК 821.512.145

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-69-3-128-134

ОБРАЗ МУДРЕЦА В ТАТАРСКОМ УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ И ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© Альфия Мотигуллина

THE IMAGE OF A WISE MAN IN TATAR ORAL FOLKLORE AND TATAR LITERATURE

Alfiya Motigullina

The article examines the image of a sage in Tatar oral folk art and Tatar literature. The image is considered in several aspects: according to the genre originality and the figurative system. In Tatar folk tales, it appears as a wise old father, a wise girl and a soldier; in dastans – a narrator-zhyrau; in the works of ancient literature, we find the images of the sage Khozyr Ilyas, in modern prose – the Grandfather of Light.

The problem of the hero is one of the most important in the system of literary and theoretical categories. Although there is a well-established idea of the main features characterizing this concept, its diversity and ambiguity leave room for controversy.

The article, based on the analysis of critical works of literary and literary-journalistic genres, reveals the inconsistency of judgments, indicating the reasons for the objective and subjective approaches of the authors of these works and various views in the artistic and aesthetic interpretations of the contemporary authors' works.

Keywords: Tatar literature, folklore, figurative system, archetype, sage, mentality, tendency, literary tale, story

В статье исследуется образ мудреца в татарском устном народном творчестве и татарской литературе. Образ рассматривается в нескольких аспектах: в жанровом своеобразии и образной системе. В татарских народных сказках он предстает в образе мудрого старика-отца, мудрой девушки и солдата; в дастанах – сказителя-жырау; в произведениях древней литературы – в образах мудреца Хозыр Ильяса, в современной прозе – Светлого дедушки.

Проблема героя является одной из важных в системе литературно-теоретических категорий. Хотя существует устоявшееся представление об основных признаках этого понятия, все же его многообразие и многозначность оставляют место для полемики.

В статье на основе анализа критических работ литературного и литературно-публицистического жанров раскрывается противоречивость суждений, указываются причины объективного и субъективного подходов авторов этих работ и разнообразные взгляды в художественно-эстетической интерпретации произведений современных авторов.

Ключевые слова: татарская литература, устное народное творчество, образная система, архетип, мудрец, ментальность, тенденция, литературная сказка, рассказ

Образ и образная система являются основными критериями при оценке устного народного творчества и художественного произведения. Анализируя литературное произведение, несомненно, мы оцениваем героя, образную систему, характеры и типы. Литературный образ является одной из важнейших категорий при изучении истории литературы, в литературоведении, в публицистике, а также в критике. В полемике о творческом процессе некоторые исследователи оперируют понятиями о художественных особенностях, о методах и приемах, об условности, о средствах выразительности и т. д. Но все едины

во мнении, что является первообразом того или иного литературного образа.

В литературоведении каждого этноса, как и в татарском литературоведении, регулярно обращаются к литературному образу. Образная система литератур имеет свое исконное начало, что отражается в виде «образа-мотива и топоса», «архетипа». Исследователи ищут проявления образа в виде архетипа. Литературовед, доктор филологических наук А. М. Закирзянов утверждает, что «понятие архетип выражает общечеловеческие образы, бессознательно передающиеся из поколения в поколение. Также архетипы Дитя,

Мать, Мудрый старец и др. В общем, мифы разных народов служат почвой и источником архетипов» [1, с. 197–198].

Кроме этого, как к архетипическому образу Мудрого старца обращается исследователь Р. Х. Шаряфетдинов, который утверждает, что «в значении обобщенного образа мужского начала, занимающего особое место в мифологической системе мира, который на протяжении веков изменяется „от верхового бога неба к богу-громовержцу и его многочисленным алломорфам“ [2, с. 265], далее к их религиозным заместителям и сказочным героям, перевоплощается в литературные образы в соответствии с национально-культурной традицией» [Там же, с. 88].

Издавна татарская литература богата на архетипы. В образной системе архетипов отдельное место занимает образ мудреца-старика. Образ мудреца исследован в русской и зарубежной литературе Е. И. Волковой. Изучая образ мудреца, она систематизирует и делит их на следующие типы: «Старец», «Слепой ясновидец», «Мудрый безумец», «Наставник-утешитель», «Брачный Гость», «Благоразумный разбойник», «Мудрый спаситель», тем самым доказывает особенность и развитие образа-архетипа в мировой литературе [3]. По аналогии в рамках этой статьи поставлена цель более подробно изучить вопрос о развитии образа мудреца в татарской литературе.

Но в татарском устном народном творчестве, татарской литературе и фольклоре некоторых тюркских народов образ мудреца имеет иную классификацию: «Старик-мудрец» встречается в народных сказках, «Старик-ясновидец», или жырау (чечен), в тюркских народных дастанах и песнях, «Мудрый спасатель», или наблюдатель всех исторических событий, представлен образом Лукман Хакима, или после трансформации Лукман. Также встречается старик, предупреждающий от несчастий, которого зовут Хозыр Ильяс. В современной татарской литературе это Акбабай (Белый дедушка), преобразованный писателем, автором повести XX–XXI вв. М. Кабировым «День рождения Акбабая» [4, с. 276].

С образом мудрецов встречаемся в волшебных и бытовых сказках. В сказках мудростью наделены представители простого народа, например: умный старик («Мудрый старик»), мудрая девушка, остроумный солдат («Смышленный солдат»), («Умная девушка», «Плут»). В целом в сказках собрано все самое разумное, также мудрость и ум присущи людям, добывающим хлеб своим честным трудом. В народной сказке «Мудрый старик» («Зирэк карт») изображается молодой человек, ценящий и любящий своего отца. Указом царя должны были убивать

мужчин, достигших семидесятилетнего возраста. Сын не хочет терять близкого человека и держит отца в безопасном месте, но сам каждый день навещает его и рассказывает все, что происходит в округе. Однажды парень наблюдает, как свита царя ищет изумруд под водой. Выходят из воды – блеск появляется, ныряют – исчезает. Отец молодого человека советует посмотреть на макушку дерева – изумруд там и оказался. Царь удивляется мудрости молодого человека, а приближенные каким-то образом хотят очернить его, поэтому придумывают разные наказания: различать молодого и старого коня, различать в бревнах корень и макушку дерева. Молодой человек, благополучно прошедший при помощи отца все испытания, вынужден был раскрыть свой секрет: сказал, что помогает ему семидесятилетний отец. В данном произведении описывается обобщенный образ старика, благодаря жизненному опыту, умениям и навыкам которого молодой человек смог завоевать доверие царя и разбудить благосклонность к пожилым людям [5, с. 238–240].

Образ старика трансформировал в своей литературной сказке «Патша белэн карт» («Царь и старик») К. Насыри [6]. Автор в сказочном сюжете раскрывает разум, мудрость старика, который своим остроумием удивил самого царя.

В татарских народных сказках образ старца отличается от других по внешнему виду – это белая борода. Белобородый старец является типичным героем и помогает сказочным персонажам в разных жизненных ситуациях. Если в сказке «Аучы егет» («Охотник») он спасает главного персонажа от злого зверя, то в фантастической сказке «Унберенче Әхмәт» («Одиннадцатый Ахмед») белобородый старец помогает герою разными волшебными средствами (подарил ему волшебное зеркало, расческу, платок), таким образом Ахмет спасается от невидимых злых духов [7, с. 87–100].

Образ белобородого старца не устаревает, кочует из сказки в сказку. Именно в этом образе отражаются самые ценные качества сказочного героя: во внешности преобладает белый цвет (что свойственно архетипу многих образов в татарской литературе), вручение волшебного подарка, который оказывает помощь кому-нибудь в безнадежной ситуации, а также предсказание будущего, оживление мертвого человека или животного, неожиданное появление из бездны и т. д. Такой образ узнающего о беде, бескорыстно помогающего оказавшимся в сложной ситуации, можно назвать стариком-избавителем. Таким героем является мифологический образ Хозыр Ильяса, который является также и персонажем татарской литературы. Несомненно, этот фольк-

лорный персонаж Хозыр, белобородый старик, является прообразом архетипического образа Мудрого Старца. Такой архетип свойственен не только татарскому фольклору и литературе, но и многочисленным тюркским народам и национальному мироощущению всех народов-создателей.

Изучая фольклорные традиции тюркских народов, мы пришли к выводу, что старик-мудрец является мифологическим героем, в то же время он играет роль хранителя народных традиций, обычаев, обрядов, знаний и умений, народного опыта. Он выполняет одну из важнейших функций – является связующим звеном между прошлым и настоящим, передающим все лучшее будущим поколениям.

Размышляя о социальной роли старца-мудреца, ученый А. М. Сагалаев приходит к выводу, что в древности этот образ «был значительно шире, гораздо многограннее», выполнял роли «правителя», «сказителя» и «шамана». Кроме этого, роль его в древности и в настоящее время состоит в том, что «старик является хранителем не только сакрального, но прежде всего рационального общественно значимого опыта коллектива» [8, с. 86].

В образе старика как мудреца, знатока всех сокровенных помыслов и пожеланий людского общества переплетаются черты волшебного, сакрального и мифологического воедино. Это способствует представлению старца-мудреца как трансформационного архетипа белобородого старца во всем тюркском и татарском фольклоре. Несомненно, в структуру архетипа Старого Мудреца образ старца с белой бородой вносит черты традиций национальной культуры, что проявляется во внешнем виде, где преобладает белый цвет. Социальные функции состоят в том, что он выступает как хранитель духовного и жизненного опыта, как правитель, шаман и сказитель, кроме этого, является связующим звеном между двумя мирами. А с сакральной стороны наделяется такими чертами, как исцелитель, спаситель, одаряющий добром, карающий всех неверных. Характерными особенностями персонажа являются мудрость, бессмертие, скитания по стране. Он везде заботится о бедных, живет миролюбивыми чувствами, он постоянно в пути, появляется из ниоткуда, также внезапно исчезает, неразрывно связан с культом огня, водной стихии и плодородия. В фольклоре и литературе образ мудреца переплетается с «мифами», «первообразами» или «коренными понятиями человечества» [9, с. 24].

Во многих сказках преобладает образ старика-мудреца, который владеет даром предска-

ния, предрекает все беды и своевременно спасает от всех невзгод.

Образы стариков-предсказателей в народных сказках органически переплетаются с образами дастанов – эпического жанра устного народного творчества. Если в сказках образ мудреца представлен в образе отца, в эпосе образ видоизменен и больше напоминает певцов, сказителей, поэтому он приобретает другое название: жырау или чэчэн в значении певца или сказителя.

В историческом татарском народном дастане «Идегей» изображены историческая действительность и мифологические мотивы периода Золотой Орды. Если исторические личности представлены образами Идегея, хана Токтамышша, эмира Аксак Тимера (Тимерлана), сына Токтамышша Кадырбирде, сына Идегея Нурадын, то мифологическая сторона – это жырау Субра, Алып и др. «Жырау – распространенный образ у тюркских народов. Это не простой рассказчик, мудрец и идеолог, певец-борец, пронизывающий народ к высшим идеалам... Они образным языком, чаще в стихотворной форме повествуют мистические и реальные события и исторический опыт народа, связанный прошлым и настоящим» [11, с. 189]. Жырау иногда принято называть чэчэном. То есть это человек, умеющий высказывать свое мнение через песни, сказ или под какой-нибудь музыкальный инструмент. В народе их высоко ценят за остроумие, мудрость и необыкновенный талант.

Жырау Субра в дастане «Идегей» наделен чертами вечного человека. Ему 195 лет. Даже части тела на стадии разложения. Но он как образ – живая история. Взаимоотношения между ханом Золотой Орды Токтамышем и отцом Идегея Кобогыла описаны в песне Субры. Исследуя образ народного сказителя, знаток татарского народного творчества Ф. Урманчеев анализирует образ Субры-жырау как старика-предсказателя. Он наделен такими чертами, как остроумие, спокойствие, уравновешенность. По мнению того же ученого, раскрытию образа Субра-жырау посвящена самая лучшая глава в дастане. Во-первых, здесь стихосложение очень оригинальное, потому что продолжает вековые традиции народного эпоса, во-вторых, эта часть является кульминационным центром народного эпоса, конфликт начинает развиваться после его песни [11, с. 236].

Песня-речитатив Субры исторически достоверными фактами раскрывает сущность Идегея, его родословную. Кроме этого, в этой же песне Субра предсказывает судьбу всей страны. Если Идегей пересечет реку, то с добрыми намерениями он уже в страну не вернется. Образ

мудреца выполняет роль «вечного человека» в разных планах: он и свидетель всех событий в государственном масштабе, и предсказатель будущего всей страны. Хотя он сочувствует и с уважением относится к Идегею и его предкам, но предпочтение отдает благополучию государства, поэтому дает свои наставления и делится стратегическими планами и с ханом Токтамышем.

Такими качествами предсказания наделен Хозыр-Ильяс в поэме Кул Шарифа «Сказание о Хубби-Ходже» («Кыйссаи Хэбби Хужа» впервые издан в 1889 году) [12]. Произведение основано на сюжете, получившем распространение в средневековой тюркско-татарской литературе. Описанные в нем события разворачиваются в Средней Азии в XII веке. Главные герои произведения – Бакыргани и его младший сын Хубби-Ходжа. Бакыргани не верит в святость Хубби-Ходжи, который совершает различные чудеса (оживляет заколотых коров, спасает тонущих в море людей). Больше внимание он уделяет двум старшим сыновьям – Асгару и Махмуду. После отцовских слов «в одной стране не уместиться двум мудрецам» Хубби-Ходжа превращается в белого лебедя и улетает из родного дома. О несправедливости отца к сыну узнает духовный наставник Бакыргани (Ахмед Ясави). Он наказывает своего мюрида годом тяжелых физических работ и передает ему волю Аллаха, согласно которой Бакыргани сможет повстречаться с младшим сыном лишь на том свете [13]. Татарский ученый Х. Ю. Миннегулов утверждает, что произведение «способствовало воспитанию у читателей высоких нравственных качеств» [14, с. 40].

С похожим развитием сюжета встречаемся в произведении XIX века – «День рождения Акбабая» М. Кабиров. Акбабай обладает такими же качествами, как невидимый главный герой фантастических произведений. Автор, описывая реальные события двадцатых-тридцатых годов XIX века, использует ирреальное начало, связанное с мыслями и идеалами простых людей. Когда избивали невинного человека, он вмешался. Неожиданная помощь со стороны спасла жизнь человеку. Акбабай помог деревне в спасении религиозного очага – мечети. Благодаря ему не смогли срезать минарет мечети, хотя попытались несколько раз. Он спас от пожара деревню и урожай, когда председатель не отпускал людей домой, заставив оставаться на поле. Он часто исчезает и появляется в самые важные и критические моменты для человеческого общества.

Создавая образ вымышленного героя, М. Кабиров продолжает традиции татарского фольклора, древней татарской литературы, при этом

обновив и развив его в условиях другого времени [15, с. 298].

В письменной литературе образ мудреца имеет другой смысл. В татарской литературе образ мудреца под одним и тем же именем трансформируется в зависимости от произведения. Таким сквозным образом является Лукман Хаким. Сура в священной книге Коран состоит из 34 аятов. Самым ценным для писателей является то, что «в этой суре перечисляются советы и заветы мудрого Лукмана, данные сыну, среди которых – заповедь о необходимости заботиться о своих родителях» [16].

Изначально имя Лукман фигурирует в одной суре Корана (Сура Лукман). Из Корана он был заимствован как литературный герой в художественные произведения.

Используя в малых жанрах фольклора имя Лукман, татарский народный поэт Г. Тукай написал афористическое стихотворение «Слова Лукмана Хакима». Автор собрал татарские народные пословицы и поговорки, систематизировал их и предложил читателям. С одной стороны кажется, что произведение не имеет определенную сюжетную линию, но при внимательном прочтении раскрывается глубина философского смысла и идейно-тематическая основа. Например, строки из произведения:

«Два человека не насытятся: один – богатством, другой – знаниями; Ученый узнает невежду, потому что сам был раньше невеждой. Но невежда не узнает ученого, потому что никогда не был ученым; Ученый без знания, что облако без дождя; Двум вещам узнают цену после времени: это молодость и здоровье» [17, с. 229–231].

Таким образом, Г. Тукай обобщил народную мудрость, обогатил все поэтическим красноречием. Каждая строка или двустишие наделены народной мудростью. Это произведение свидетельствует о деятельности поэта Г. Тукая совершенно в другой области, он предстает здесь как знаток народного творчества и энциклопедист [18].

Имя мудреца Лукмана используется в литературной сказке «Лукман Хаким» писателя начала XX века Г. Исхаки как нарицательное имя главного героя. Написанное в 1923 году произведение было возвращено читателям только в 1990-е годы, как и все литературно-публицистическое наследие писателя [19]. Основной смысл сказки заключается в том, что народ некоего государства жил очень хорошо, в достатке, люди жили в райских условиях, но прошедший неожиданно дождь перевернул все вверх дном.

Исследователь творчества писателя Л. Гайнанова склоняется к мнению, что Г. Исхаки предвидел социалистическое будущее страны и описывал его [20, с. 35]. Но мы предполагаем, что автор литературной сказки изобразил историю ислама, тем самым описывал противостояние между шиитами и суннитами. Лукман Хаким в сказке наблюдает за всеми происходящими событиями. Жизнь одного государства описывается в раю, в достатке и в благополучии, а после дождя все оказались в нищете, танцевали, пели, веселились. Вначале сошли с ума все простые жители, потом приближенные царя, а в конце и сам правитель вынужден был выпить воду и стать наравне со всеми. Лукман Хаким поселился в пещере и записывал все это. Таким образом, мудрец стал свидетелем всех событий, но не предпринимал никаких действий.

В отличие от Г. Исхаки у А. Еники в рассказе «Глядя на горы» образ старого мудреца, хотя имя Лукман и повторяется, раскрывается в ином русле [21, с. 100–131]. Прием ретроспекции усилил аналитическое начало в рассказе, превратил описываемые в прошлом события в предмет современного познания повествователя. В сюжетной канве произведения последовательно раскрываются жизненные события одной семьи в хронологической последовательности. Лукман, сын, внук не оторваны от исторических событий. Лукман является хранителем семейных ценностей и памяти. Следующие поколения семьи описаны эпизодически: сын жил, ушел на Первую мировую войну и не вернулся. Во Вторую мировую войну ушел внук и пропал. Появление внучатой невестки с сыном на руках дает веру в продолжение человеческого рода, жизни Лукмана. Он обладает чертами мудрецов, но автор представляет его как живого свидетеля многих реальных событий XX века. Горы напоминают о его прошлом, о вечной жизни. В рассказе А. Еники горы олицетворяют течение человеческой жизни, человеческих судеб [Там же, с. 16].

Таким образом, исследуя образ мудреца в татарском народном фольклоре и татарской литературе и изучая национальное мировосприятие духовной культуры татарского народа, мы пришли к следующим выводам: архетипический образ Мудрого Старца неразрывно связан с верховным божеством Тэнре (Тенгри), с первообразом человечества Жир-су (Земля-вода); также прослеживается тесная связь с образом вечного путника Хозыр Ильяса, связанным с исламским пророком. Сказочный образ белобородого старца трансформируется в самого мудрого

человека. Прошедший сквозь века образ старика-мудреца претерпевает некоторые функциональные изменения, но в этическом и словесном наследии татарского народа он сохранил свой статус архетипического, первоначального начала.

Образ старца-мудреца сохранил свое архетипическое начало и в жанровом своеобразии. Как и в народных сказках, мудрец олицетворяет чаяния, мечты и надежды людей в народном эпосе «Идегей» в реалистическом образе жырау (сказитель) Субра.

Из фольклора образ мудреца перешел в литературу. Это образ Хозыр Ильяса у Кул Шарифа, пророк у Кул Гали, мудрый старик у Каюма Насыри, старик-воспитатель Галимджана Ибрагимова, Лукман Хаким у Гаяза Исхаки, старик Лукман из рассказа «Глядя на горы» А. Еники, Акбабай из произведения «День рождения Акбабая» М. Кабиров и др.

Таким образом, во всех произведениях образ старика наделен многолетним опытом и просветленной мудростью. Тем самым он передает накопленный веками культурный опыт татарского народа, синтезирует в себе мифологическое начало и социальные отношения между социумом и индивидом, консолидировав все в архетипическом образе мудреца-старца.

Список источников

1. Закирянов А. М. Проблема образа в современной татарской литературной критике и публицистике Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки., 2008. Т. 150. № 4. С. 192–200.
2. Шарафетдинов Р. Х. Мифопоэтика татарской литературы. Москва: Берлин: Директ-Медиа, 2021. 168 с.
3. Волкова Е. И. Образ мудреца в духовной и художественной традиции (старчество, юродство, Гомер, Софокл, Шекспир, Кольридж, Пушкин и др.) // Современная филология: итоги и перспективы. М., 2005. С. 64–83.
4. Кэбирова Марат. Мэхэббэт яңгыры. Повестлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 431 б.
5. Татар халык әкиятләре. Төз. Н. Вәлитова. Казан: Татар. кит. нәшр. 1993. 352 б.
6. Насыри Каюм. Сайланма әсәрләр: 2 томда. Т. 1. Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. 340 б.
7. Татар халык әкиятләре: Тылсымлы әкиятләр. Төз., кереш мәк. авт. Л. Жамалетдинов, Н. Вәлитова. Казан: Татар. кит. нәшр. 1994. 415 б.
8. Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. 209 с.
9. Топорков А. Л. Предвосхищение понятия «архетип» в русской литературе XIX века // Литературные архетипы и универсалии. М.: Российский гуманитарный университет, 2001. 351 с.

10. Валиуллина Ф. М. Образ жырау в эпических произведениях // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та, 2014. № 4. С. 188–195.
11. Урманчеев Ф. И. Халык авыз ижаты. Казан: Мәгариф, 2005. 383 б.
12. Мәңгелеккә аяк басканда. Сәйед Кол Шәриф – Навстречу вечности. Сеид Кулшариф. Казан: Идел-Пресс, 2006. 207.
13. Кул Шариф // Татар иле – Школьная литературная энциклопедия, 2022. URL: <http://tatarile.tatar.ru/encyclopedia/kul-sharif> (дата обращения: 05.09.2022).
14. Миннегулов Х. Этапы развития тюрко-татарской, античной и русской литератур. Казан: Иклас, 2010. 288 с.
15. Мотигуллина А. Р. Марат Кәбировның «Ак бабайның туган көне» повестена мифопоэтик анализ // Филология и образование: современные концепции и технологии: Материалы Международной научной конференции (3–5 июня, 2010 г.). Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. С. 296–298.
16. Лукман (сүра). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%83> (дата обращения: 05.09.2022).
17. Тукай Г. Әсәрләр: 5 томда: 5 том. Истәкләр. Юльязмалар. Хатлар. Мәсәлләр һәм балалар өчен хикәяләр (1902–1913). Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. 368 б.
18. Тукай Г. Так говорил хаким Лукман / перевод с татарского В. С. Думаевой-Валиевой // Г. Тукай. Избранное. Казань: Магариф, 2008. 223 с.
19. Исхакый Г. Локман Хәким әкиятә (И. Нуруллинның кереш сүзә белән) // Идел. 1990. № 6. Б. 4–6.
20. Гайнанова Л. Локман Хәким һәм Гаяз Исхакый // Төркиләрнең телләре, рухи мәдәниятлары һәм тарихлары: традицияләр һәм заман (Халыкара конференциянең хезмәтләре. 3 томда.) 2 том. Казан: Татарстан фәннәр Академиясе, 1992. Б. 34–36.
21. Еники Ә. Сайланма әсәрләр. Төз., кереш сүз авт. Ә. Р. Мотыйгуллина. Казан: Татар. Респ. «Хәтер» нәшр. (ТаРИХ). 2002. 416 б.
4. Кәбиров, Marat. *Məkhəbbət җаңгыры. Povest'lar* [The Rain of Love. Stories]. 431 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
5. *Tatar khalyk əkiyatləre* (1993) [Tatar Folk Tales]. Töz. N. Vəlitova. 352 p. (pp. 238–240). Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
6. Nasyri Kayum (1974). *Saylanma əsərlər: 2 tomda* [Selected Works: Two Volumes]. T. 1, 340 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
7. *Tatar khalyk əkiyatləre: Tylysymly əkiyatlər* (1994) [Tatar Folk Tales: Magical Tales]. Töz., keresh mək. avt. L. Җамалетдинов. N. Vəlitova. 415 p. (pp. 87–100). Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
8. Sagalaev, A. M., Oktyabr'skaya, I. V. (1990). *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri* [Traditional Worldview of the Southern Siberia Turks]. 209 p. Novosibirsk, Nauka. Sibirskoe otdelenie. (In Russian)
9. Toporkov, A. L. (2001). *Predvoskhishchenie ponyatiya "arkhetip" v russkoi literature XIX veka* [Anticipation of the Concept of "Archetype" in Russian Literature of the 19th Century]. Literaturnye arkhetipy i universalii. 351 p. Moscow, Rossiiskii humanitarnyi universitet. (In Russian)
10. Valiullina, F. M. (2014). *Obraz zhyrau v epicheskikh proizvedeniyakh* [The Image of Zhyrau in Epic Works]. Vestnik Chelyabinskogo gos. ped. un-ta. No. 4, pp. 188–195. (In Russian)
11. Urmanceev, F. I. (2005). *Khalyk avyz ižatı* [Folk Oral Creations]. 383 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)
12. *Məңgelekə ayak baskanda* (2006) [When You Step into Eternity]. Səyed Kol Shərif – Navstrechu vechnosti. Seid Kulsharif. 207 p. Kazan, Idel-Press. (In Tatar)
13. *Kul Sharif* (2022) [Kul Sharif]. Tatar ile – Shkol'naya literaturnaya entsiklopediya, URL: <http://tatarile.tatar.ru/encyclopedia/kul-sharif> (accessed: 05.09.2022).
14. Minnegulov, Kh. (2010). *Etapy razvitiya tyurko-tatarskoi, antichnoi i russkoi literatur* [Stages of Development of Turkic-Tatar, Ancient and Russian Literatures]. 288 p. Kazan, Ikhlās. (In Russian)
15. Motigullina, A. R. (2010). *Marat Kəbirovnyñ "Ak babaynyñ tугan көne" povestena mifopoetik analiz* [Mythopoetic Analysis of Marat Kabirov's Story "Ak Babai's Birthday"]. Filologiya i obrazovanie: sovremennye kontseptsii i tekhnologii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (3–5 iyunya, 2010 g.). Kazan', izd-vo MOiN RT, pp. 296–298. (In Tatar)
16. *Lukman (sura)*. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%83> (accessed: 05.09.2022). (In Tatar)
17. Tukay, G. (1986). *Əsərlər: 5 tomda* [Works: Five Volumes]. 5 tom. İstəklər. Yul'yazmalar. Khatlar. Məsəllər һәм balalar өчен khikəyälər (1902–1913). 368 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
18. Tukay, G. (2008). *Tak govoril khakim Lukman* [Hakim Lukman Said So]. Perevod s tatarskogo V. S. Dumaevoi-Valievoy. G. Tukay. Izbrannoe. 223 p. Kazan', Magarif. (In Russian)
19. Iskhakiy, G. (1990). *Lokman Khəkim əkiyate (I. Nurullinnyñ keresh syze belən)* [The Story of Lokman

References

1. Zakirzyanov, A. M. (2008). *Problema obraza v sovremennoi tatarskoi literaturnoi kritike i publitsistike* [The Problem of the Image in Modern Tatar Literary Criticism and Journalism]. Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. T. 150. No. 4, pp. 192–200. (In Russian)
2. Sharafetdinov, R. Kh. (2021). *Mifopoetika tatarskoi literatury* [Mythopoetics of Tatar Literature]. 168 p. Moscow, Berlin. Direkt–Media, (In Russian)
3. Volkova, E. I. (2005). *Obraz mudretsa v dukhovnoi i khudozhestvennoi traditsii (starchestvo, yurodstvo, Gomer, Sofokl, Shekspir, Kol'ridzh, Pushkin i dr.)* [The Image of a Sage in the Spiritual and Artistic Tradition (Elderhood, Foolishness, Homer, Sophocles, Shakespeare, Coleridge, Pushkin, etc.)]. Sovremennaya filologiya: itogi i perspektivy. Pp. 64–83. Moscow. (In Russian)

Hakim (Introduction by I. Nurullin)]. Idel. No. 6, pp. 4–6. (In Tatar)

20. Gaynanova, L. (1992). *Lokman Khəkim həm Gayaz Iskhakyy* [Lokman Hakim and Gayaz Ishaky]. Tərkiylərneñ telləre, rukhi mədəniyatlary həm tarikhлары: traditsiyalər həm zaman (Khalykara konferentsiyanen

khezmətləre. 3 tom). 2 tom, pp. 34–36. Kazan, Tatarstan fənnər Akademiyase. (In Tatar)

21. Eniki, Ə. (2002). *Saylanma əsərlər* [Selected Works]. Təz., keresh syz avt. Ə. R. Motygullina. 416 p. Kazan, Tatar. Resp. “Khəter” nəshr. (TaRIKh). (In Tatar)

The article was submitted on 08.09.2022

Поступила в редакцию 08.09.2022

Мотигуллина Альфия Рухулловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Поволжский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма,
420010, Россия, Казань,
Деревня Универсиады, 35.
alfiya311065@mail.ru

Motigullina Alfiya Rukhullovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Volga State University of Physical Culture,
Sports and Tourism,
35 Universiade Village,
Kazan, 420010, Russian Federation.
alfiya311065@mail.ru